

Чагинская Елена Алексеевна

**ЯВЛЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДУБЛЕТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РУССКОГО И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОВ**

Синтез церковнославянской и русской языковых стихий, на основе которого осуществилось формирование современного русского литературного языка, имеет в качестве одного из своих следствий образование общего для обоих языков лексического фонда, значительную часть которого - более двух тысяч пар - составляют семантические дублеты. Феномен дублетности рассматривается в статье как проявление в языке и речи специфичных для русской культуры черт, представляющих собой национальное достояние.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2010/1-2/62.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5): в 2-х ч. Ч. II. С. 220-223. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2010/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

7. **Маслова В. А.** Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2006. 296 с.
8. **Пименова М. В.** Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. 386 с.
9. **Пименова М. В.** Типы концептов [Электронный ресурс]. URL: http://www.kuzspa.ru/diss/conf_27_28/5_pimenova.doc (дата обращения: 10.03.2010).
10. **Пономарева Е. Ю.** Концептуальная оппозиция «Жизнь-Смерть» в поэтическом дискурсе (на материале поэзии Д. Томаса и В. Брюсова): автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.20. Тюмень, 2008. 22 с.
11. **Попова З. Д.** Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж: ВГУ, 2002. С. 8-49.
12. **Рязипова Э. М.** Научный аппарат когнитивного описания концепта «внимание» // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 1. С. 110-113.
13. **Степанов Ю. С.** Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
14. **Убийко Н. И.** Типологизация концептов в современном языкознании. М.: Наука, 1999. С. 15-31.

TO THE QUESTION ABOUT CONCEPTS TYPOLOGY

Dinara Dilshatovna Hairullina

*Department of Foreign Languages
Branch of Kazan State University in Naberezhnye Chelny
dinara0406@mail.ru*

In the article the contents of the "concept" notion are defined, concepts typology is presented in detail. Suggested classifications are actual for the principles of linguo-cognitive research because different types of concepts require different principles of analysis and description.

Key words and phrases: concept; concepts typology; linguo-cognitive approach; linguo-culturological approach.

УДК 81-26, 81'37, 81'373

Синтез церковнославянской и русской языковых стихий, на основе которого осуществилось формирование современного русского литературного языка, имеет в качестве одного из своих следствий образование общего для обоих языков лексического фонда, значительную часть которого - более двух тысяч пар - составляют семантические дублеты. Феномен дублетности рассматривается в статье как проявление в языке и речи специфичных для русской культуры черт, представляющих собой национальное достояние.

Ключевые слова и фразы: семантические дублеты; концептосфера русского языка; церковнославянский язык; лексическая семантика; языковая политика.

Елена Алексеевна Чагинская

*Кафедра русского языка и теории словесности
Московский государственный лингвистический университет
telemma@inbox.ru*

ЯВЛЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДУБЛЕТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РУССКОГО И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОВ®

Глобальное информационное пространство, ставшее для человека средой обитания, вовлекает языковые системы в процесс изменения, глубину и последствия которого - для каждого отдельного человека и для человечества в целом - можно пока лишь предугадывать. Очевидно, что сегодня лингвистика востребована в качестве науки практической, в том числе, науки, которая имеет самое непосредственное отношение к формированию принципов языковой политики государства. Перед лингвистами появляются новые перспективы профессиональных альянсов с представителями других наук, возникает множество новых тем для исследования. Вместе с тем, парадоксально и неожиданно, вскрываются и старые лакуны в наших знаниях о родном языке, а языковая система выявляет резервы, о которых до поры было забыто.

Хорошо, если языковая политика нашего государства учтёт оба императива: адекватно реагировать на вызовы времени и, вместе с тем, быть бережливыми по отношению к своему уникальному культурному достоянию. Предпосылки для выработки именно такой - сбалансированной - языковой политики уже есть; приведём пример. С одной стороны, исследователи отмечают расширение концептосферы русского языка за счёт новых лингвокультурных концептов, которые содержат ценностные установки нашего времени и отражают изменения в жизни российского общества [1, с. 807].

С другой стороны, тот факт, что в некоторые школы и ВУЗы возвращается преподавание церковнославянского языка, и целый ряд издательств значительными тиражами издаёт тексты на этом языке, даёт основания надеяться на реставрацию «картины концептуального мира», которая принадлежит нам как наследникам великой русской культуры.

Последнее обстоятельство - удивительно. Ведь всего семнадцать лет назад Д. С. Лихачёв горько сетовал на то, что в результате декрета 1918 г. об отмене преподавания церковнославянского языка резко сократилась концептосфера русского языка и пострадала культурная память народа [3, с. 286]. И вот уже мы слышим интонацию удивления в словах другого академика, Н. И. Толстого, предпосланных одному из учебников церковнославянского языка: «Трудно сказать, когда и как вернётся в нашу среду культура и дух церковнославянского слова, церковного распева и будут ли они широкого и глубокого охвата. Бог весть! Но думали ли мы с вами, читатель, десять или даже пять лет тому назад, что в начале 90-х годов в Москве, в издательстве «Просвещение» выйдет учебник церковнославянского языка?» [4, с. 6].

Отношения, сложившиеся между церковнославянским и русским языками, составляют одну из уникальных особенностей русской культуры. Национально-историческое значение церковнославянского языка обусловлено его статусом основного литературного языка русского средневековья и, не в меньшей степени, его ролью в развитии русского литературного языка после начала XVIII века. Так, он явился источником обогащения русского нормированного языка, опорой его национального единства и чистоты, мерилем разграничения стилей. Становлением современного русского литературного языка мы обязаны трудам мастеров словесности XIX в., которым удалось реализовать синтез всех тех социально-языковых стихий, из которых рождалась система русской литературной речи. При этом, с одной стороны, как отмечает академик В. В. Виноградов, на протяжении веков не наблюдалось вытеснения одного языка другим, и между «российским диалектом» и «славенским» языком» ставился нередко даже знак равенства. Иногда носители этих языков воспринимали их как языковое единство. Так, наименованием «язык славяно-русский» пользовался А.С. Пушкин, в трудах которого впервые нашёл осуществление плодотворный синтез двух разных социально-языковых стихий. С другой стороны, церковнославянский и русский языки были и остаются разными языковыми системами с чётким функциональным разграничением между ними.

Вспомним лапидарную максиму Г. О. Винокура - язык есть культурная традиция. Если русская культура с колыбели выражала себя на двух языках, мы вправе говорить о двух разных культурных потоках, из которых «свита» русская культура. Имена для них удобно находятся в древнегреческом, поскольку там у этих имён имеется общее (и важное для всякого человека) значение - «счастье». Первая традиция дуального комплекса - культура сотериологического типа (<σωτηρία «спасение, избавление; сохранение; благо = счастье»), культура, развивающаяся в ограде православной Церкви. Другая - культурная традиция эвдемонического типа (<εὐδαιμονία «благосостояние, благополучие = счастье»). Эти термины стилистически нейтральны и не содержат никаких оценочных коннотаций; у них есть своя история в нашей науке, но мы не будем на ней останавливаться и просто обозначим разграничительные линии. Если суммируем, то эти традиции отличаются друг от друга, в первую очередь, телеологически и аксиологически. Первая - теоцентрична, вторая - антропоцентрична. Для первой - земля и всё созданное на ней временны, а человеку суждено преодолеть время и пребывать в вечности; для второй - приблизительно наоборот. В этой перспективе, первая - обращает взоры человека внутрь себя - туда, где и лежит поле битвы *добраго и лукаваго*; вторая - обращена преимущественно вовне, туда, где обустраивается внешняя сторона жизни. Иными словами, если для первой традиции - солнце погаснет потому, что однажды «остынет», охладет в любви человек, то для второй - когда погаснет солнце, человек погибнет (или улетит к другой звезде). Для нашей темы важно, что они обе присутствуют в русской «культурной диаде», всегда чреватой множеством непредсказуемых вариантов проявлений. И ещё, конечно, важно то, что логически необходимо существование обширной «зоны контаминации», где обе традиции сливаются, накладываются одна на другую, и это наложение нелинейно.

Синтез церковнославянской и русской языковых стихий, на основе которого осуществилось формирование современного русского литературного языка, имеет в качестве одного из своих следствий образование общего для обоих языков лексического фонда. В нём особое место занимают семантические дублеты - пары слов, в которых одно слово принадлежит лексическому составу русского языка, другое - лексическому составу церковнославянского, при этом формальные отличия между компонентами пары минимальны, семантические же - варьируют в широком диапазоне от едва заметных до явных. Например: цслав. *обрѣкъ* 'жалованье' || рус. «обрѣк» 'натуральный или денежный сбор'; *размышлѣние* 'сомнение, несогласие' || «размышление» 'дума, мысль'; *пѣдвигъ* 'внутренняя борьба, напряжение, старание' || «подвиг» 'героический поступок'; *лукáвый* 'злой' || «лукавый» 'коварный, хитрый, игривый, исполненный добродушной хитрости'.

В русском языке слово «дублет» означает дублированный экземпляр, предмет: *дублет рукописи; дублет книги в библиотеке*. (К слову, если один из дублетных экземпляров книги, например, от частого использования, претерпевает какие-то изменения, он не перестаёт быть дублетом. Дублировать фильм - не значит его перевести, но: озвучить его на другом языке, сохраняя близость к переводу.) Что касается метаязыка лингвистики, в него слово «дублет» уже давно вошло как термин с различными уточняющими определениями.

Семантическими эти дублеты называем постольку, поскольку основное различие между ними носит именно семантический характер. Явление семантической дублетности может сопутствовать явлениям этимологической или стилистической дублетности, не отменяя их. Например, пара «*храм* - хоромы» имеет черты этимологической дублетности - подобно словам: власть-волость; страна-сторона; пара «*поприще* (мера длины, тысяча больших шагов в пять стоп каждый) и *поприще* (область деятельности: на поприще науки - высокий стиль)» имеет черты стилистической дублетности.

Русско-церковнославянские семантические дублеты, как языковой феномен и - шире - явление культуры, почти не изучены. О. А. Седакова, автор долгожданного и не обманувшего ожиданий словаря трудных слов из богослужения, приводит около 2000 словарных статей, чем в большой мере заполняет лакуну [6]. Однако общепринятой лингвистической классификации феномена пока нет; не описаны механизмы и модели семантических расхождений в паре, и т.д. Многие ещё предстоит обдумать и сделать, причём эту частную проблему, как представляется, целесообразно было бы решать в контексте более общей проблемы взаимоотношений русского и церковнославянского языков и соответствующих им культурных потоков. Ведь самое значимое семантическое отличие между компонентами дублетной пары может быть описано лишь через призму ценностей, исповедуемых соответствующими культурными потоками. Русское слово «соблазн» означает 'нечто привлекательное'; церковнославянское слово *собла́знъ* - 'приманка' - тоже ведь означает нечто привлекательное: приманка для того и служит, чтобы привлечь к себе живое существо; однако, приманка губительна. Когда мы слышим русское слово «ангел», мы представляем себе прекрасное существо, источающее исключительно добро и заботу. В контексте сотериологического культурного потока *ангел* - прежде всего, исполнитель Божьей воли, какой бы она ни была (*И простер Ангел руку свою на Иерусалим, чтобы опустошить его; но Господь пожалел о бедствии, и сказал Ангелу, поражавшему народ: довольно, теперь опусти руку твою.* - 2 Цар 24: 16). Роль исполнителя наказания при этом никак не исключает того, что *ангел* - прекрасное существо, источающее добро: ведь Божья воля всегда направлена к благу.

Наиболее общая закономерность распределения значений между компонентами дублетной пары такова, что русское слово запечатлевает в своих значениях внешнюю, видимую сторону вещей; церковнославянское - внутреннюю, невидимую, сущностную. Пример: «подвиг» - 'геройский поступок' || *пóдви́гъ* - 'духовное усилие, внутренняя трансформация'. Ещё одна закономерность, которую нам удалось отметить, состоит в том, что русский язык (в полном согласии с аксиологией и телеологией эвдемонического культурного потока) из всего комплекса значений славянизма выбирает и закрепляет преимущественно те, что обладают позитивной эмоционально-оценочной окраской. Пример: «прелесть» - 'то, что привлекательно, красиво' || *прéлестъ* - 'усвоение лжи, принятой за истину; самообольщение, могущее привести человека к большим бедам, тяжёлому заболеванию, самоизоляции и даже гибели'.

Русский и церковнославянский языки имеют долгую общую историю и гармонично сосуществуют друг с другом, поэтому нелегко бывает заметить в тексте на русском языке, что какое-либо слово-дублет употреблено в значении, свойственном ему не в русском, а в церковнославянском языке. Вот - один из многих примеров: фрагмент текста критической статьи о фильме А. А. Тарковского «Сталкер»: «Его (сталкера - *прим. наше* - Е. Ч.) призвание в том, чтобы помогать всем тем, кто в нем нуждается, для кого путешествие к космическому божку - последняя надежда в жизни. Он и Профессора с Писателем повел потому, что видел в них издегавшихся, несчастных людей, которых можно спасти. Он ошибся, разочаровался в них, и после возвращения домой плачет от обиды и боли [5, с. 16]. Глагол «спасти» в русском языке означает: 1) избавить от чего-н. опасного, страшного - *спасти из огня*; 2) сохранить, уберечь - *сохранить кому-н. жизнь; спасти ценную коллекцию*. Но Сталкер согласился стать проводником Профессора и Писателя не для того, чтобы этим избавить их от опасности или сохранить им жизнь: он хотел, чтобы с ними произошло то, что греки называют *μετάνοια*, перемена образа мысли, покаяние, в конечном счёте - перемена во всей жизни, её ценностях и ориентирах. А это - смысл церковнославянского слова *спасéние* < *πρόστασία*; *спасти* = «*поставить на спасенную стезю*». Самое интересное - то, что нам не нужны толкования, нам в этой фразе всё понятно, потому что для русской языковой личности обитать в дуальном смысловом пространстве - привычно.

То, что привычно (и поэтому незаметно) для нас, наблюдателю со стороны может очень усложнить жизнь, особенно если работа этого наблюдателя состоит в том, чтобы понять текст и передать его смысл средствами другого языка. Приведём забавную цитату из комментария французского переводчика. Этот переводчик, André Markowicz, видит главную трудность перевода Достоевского в том, что в русской культуре, по его мнению, язык народа и язык Библии - это один и тот же язык, "исполненный благородства и достоинства". Во французской же культуре "язык народа считается вульгарным". Здесь, по мнению переводчика, кроется основная причина частичной непереводимости (или - относительной переводимости) произведений Достоевского [2, с. 94-95].

В заключение заметим, что в кругу проблем, связанных с исследованием явления русско-церковнославянской семантической дублетности, особое значение приобретает уточнение семантики церковнославянских дублетов, поскольку церковнославянская лексикография, работа над которой прекратилась с началом XX века, была адресована аудитории с иной, нежели у нашего современника, картиной мира. Труд этот, требующий совместных усилий специалистов в разных областях знания, поможет нам по-новому оценить смысловые глубины русского языка.

Список литературы

1. **Александрова Т. Н.** Новые абстрактные имена существительные как индикатор изменений в концептосфере русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 806-807.
2. **Костикова О. И.** К основаниям теории переводческой критики // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2008. № 1. С. 82-98.
3. **Лихачёв Д. С.** Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. М.: Academia, 1997. С. 280-287.
4. **Плетнева А. А., Кравецкий А. Г.** Церковнославянский язык. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2005. 272 с.
5. **Ревич В.** Трудно быть человеком... // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Трудно быть богом. Л.: ВТО «Киноцентр», 1991. С. 5-17.
6. **Седакова О. А.** Словарь трудных слов из богослужения: церковнославяно-русские паронимы. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2008. 432 с.

**SEMANTIC DOUBLING PHENOMENON IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM
OF THE INTERRELATIONS OF THE RUSSIAN AND CHURCH SLAVONIC LANGUAGES****Elena Alekseevna Chaginskaya***Department of the Russian Language and Literature Theory
Moscow State Linguistic University
melemma@inbox.ru*

The synthesis of the Church Slavonic and Russian language elements which served as the basis of the modern Russian literary language formation has as one of its consequences the creation of lexical fund common for both languages, the considerable part of which - more than two thousand pairs - is presented by semantic duplicates. Doubling phenomenon is considered in the article as the manifestation of the features specific for the Russian culture which represent national property in language and speech.

Key words and phrases: semantic duplicates; Russian language concept sphere; Church Slavonic language; lexical semantics; language politics.

УДК 811.112.2

Рассматриваются устойчивые разговорные формулы немецкой фразеологии в функциях выражения семантико-модальных оттенков и экспрессивной коннотации.

Ключевые слова и фразы: разговорная речь; устойчивые разговорные формулы (УРФ); модальные оттенки; УРФ - доброжелания; УРФ - зложелания.

Ашур Абдиевич Яхшиев*Кафедра немецкой филологии**Самаркандский государственный институт иностранных языков**yaخشievtof@rambler.ru***ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ УСТОЙЧИВЫХ РАЗГОВОРНЫХ ФОРМУЛ
В НЕМЕЦКОЙ РЕЧИ[©]**

Для немецкой разговорной речи (РР) показательно активное употребление устойчивых разговорных формул (УРФ), которые несут в себе зачастую разнообразный семантический, модально-оценочный и экспрессивный заряд. Типология этого разряда немецкой разговорной фразеологии основывается на двух больших семантических подразрядах, которые, в свою очередь, дифференцируются на более дробные группы УРФ. Речь идет о подразрядах со значениями: а) доброжелания и б) зложелания.

Для многих УРФ показательно наличие всевозможных семантико-модальных оттенков [2]. Так, УРФ, употребляемая как характеристика действий или поступков кого-либо, содержит нередко большой заряд ироничности: *Das ist er schön angekommen!* 'Так его и ждали! Он здорово сел в калошу!'; *Da haben Sie was Schönes angerichtet!* 'Ну и наделали же вы дел!'; *Ausgerechnet Bananen!* 'Чего захотел!'; *Das könnte mir (so) einfallen!* 'Как бы не так! Так я и собираюсь (Это сделать)!'; *Der hat was Schönes gebraut!* 'Ну и натворил же он дел! Ну и заварил он кашу!'; *Da hast du (uns) was Schönes (eine schöne Suppe) eingebrockt!* 'Ну и кашу ты (нам) заварил!'; *Das ist ja recht ersprießlich!* 'Это очень мило! Есть чему радоваться! Лучше не придумай!'.